

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТРИАДА И. БРОДСКОГО:
ЯЗЫК – ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО

В статье предпринята попытка культурологического анализа философско-эстетической триады И. Бродского «язык – время – пространство»

Имя русского поэта, Нобелевского лауреата по литературе (1987) Иосифа Александровича Бродского (1940–1996) стало известным и почитаемым широкой аудиторией постсоветского пространства довольно недавно. Однако с уверенностью можно сказать, что оно заняло достойное место в плеяде русской поэтической классики XX века среди таких имен как М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова и других.

Веру Бродского в поэтическое слово необходимо рассматривать в контексте его взглядов на время и пространство. Время и пространство – центральная дихотомия в философско-эстетической системе И. Бродского. Его всегда интересовало время и тот эффект, который оно оказывает на человека. Сам Бродский говорил: «Все мои стихи более или менее об одной и той же вещи – о Времени, о том, что Время делает с человеком [3, 79]. Время – враг человека и всего, что человеком создано и ему дорого. Оно вплетается в человека, который стареет, умирает и превращается в «пыль» – «плоть времени»».

Разница между временем и пространством выражается у Бродского противопоставлением «идеи» и «вещи»:

Время больше пространства. Пространство – вещь.

Время же, в сущности, мысль о вещи.

Жизнь – форма времени...

(«Колыбельная Трескового мыса»).

Против всепоглощающего Времени, ведущего к исчезновению и мира, и человека, Бродский ставит Слово. Один из сборников И. Бродского носит название «Часть речи». Название глубоко символично: человек, в особенности поэт, является частью языка, который старше его и который продолжает существовать после того, как время справится с его слугой.

Победа поэтического слова над временем и смертью прослеживается во многих стихах:

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.
Зане не знаю я, в какую землю лягу.
Скрипи, скрипи, перо! Переводи бумагу.
(«Пятая годовщина»)

В лекции, прочитанной И.А. Бродским при вручении Нобелевской премии, отмечалось, что искусство, если чему-то и учит, то, в первую очередь, учит частности человеческого существования. Произведение искусства, литература в особенности и стихотворение в частности, обращается к человеку «тет-а-тет». И язык при этом является не только средством, каналом передачи информации, но и самой сущностью, материализацией мира, образа, вещи, идеи, говоря языком И. Бродского, Времени и Пространства.

Язык и литература, по мнению И. Бродского, наиболее древние вещи в сравнении с любыми другими формами общественной жизни. Язык и литература – всегда «сегодня» и даже «завтра», в сравнении с философией, этикой и даже эстетикой государства, которые всегда «вчера». Литература, и поэзия в частности, «помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе... и избежать тавтологии» [2, 47]. Этим искусство и отличается от жизни, что оно всегда избегает повторения. В искусстве повторение невозможно, иначе это называется «клише».

Важное место в философско-эстетической концепции И. Бродского занимает его постулат «эстетика – мать этики». Язык – универсальный, живой феномен. Всякая новая эстетическая реальность, по мнению Бродского, уточняет для человека реальность этическую, ибо эстетика – мать этики. Эстетический выбор всегда индивидуален и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Эта частность, с точки зрения Бродского, обретает форму литературного или какого-либо иного вкуса. Человек с эстетическим вкусом, в частности литературным, легче и увереннее ориентируется в социальном, политическом пространстве, менее восприимчив к политическим доктринам и лозунгам, по крайней мере, более автономен в принятии решения: «Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее» [2, 48]. Поэтому, скорее в прикладном, чем в иррациональном смысле Бродский призывает понимать фразу Ф. М. Достоевского, что «красота спасет мир» или высказывание Мэтью Арнолда, что «нас спасет поэзия». И. Бродский менее оптимистичен в данном вопросе: «Мир, вероятно, спасти не удастся, – пишет поэт, – но отдельного человека – всегда можно» [2, 48].

Таким образом, эстетическое чувство, по Бродскому, коренится в человеке на генетическом уровне. Человек изначально воспринимает мир

на эстетическом уровне, инстинктивно знает, что ему нравится, а что не устраивает: «В антропологическом смысле... человек является существом эстетическим прежде, чем этическим» [2, 48]. Данный тезис И. Бродский аргументирует следующим примером: несмышленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, к нему тянувшийся, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный. Если считать, что речь – то, что отличает человека от животного мира, то литература – и, в частности поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет «видовую цель» человеческого рода.

В Нобелевской лекции Бродский отмечал: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования. Язык же – даже если представить его как некое одушевленное существо (что было бы только справедливым) – к этическому выбору не способен» [2, 53].

По каким бы причинам человек ни брался за сочинение стихотворения, результатом этой деятельности, последствием этого процесса является «ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимость от оногo...» [2, 53]. Процесс стихосложения, по мнению Бродского, является мощным ускорителем сознания, мышления и мироощущения в целом. Поэт никогда не знает, чем и как может закончиться стихотворение. Иногда получается лучше, чем предполагалось, мысль заходит дальше, чем рассчитывал поэт. Это тот самый момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее. Испытав такое ускорение единожды, человек впадает в зависимость от процесса стихосложения, подобно зависимости от наркотиков или алкоголя. И. Бродский заканчивает свою лекцию фразой, которая, по сути, сегодня приобрела уже значение афоризма: «Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» [1, 54].

Для Бродского язык дан свыше, спущен сверху, а не взращен снизу. А. Кушнер в интервью В. Полухиной отмечал, что Бродский внес много нового в поэтический язык, придал ему изощренность, экспрессивность, энергию. Сложные синтаксические конструкции поэта он называет «виртуозными» и даже «умопомрачительными».

Близкий друг И. Бродского Владимир Уфлянд подчеркивал абсолютную зависимость поэта от русского языка. Он считал, что его стихи могут быть написаны только по-русски. Кроме того, Бродский дал сильный толчок процессу конвергенции русской и английской поэзии. Это значительный и очевидный его вклад в русскую поэзию. Заслуга Бродского еще и в том, что он внес огромный вклад в дело возрождения русского языка за счет использования самых разных его пластов, вводя в свои стихи архаизмы, вульгаризмы, иностранные слова и т.д. Вершина языка создается крупнейшими писателями и поэтами. И язык Бродского,

как крупнейшего представителя русской поэзии второй половины XX века, является тем самым «великим и могучим» в высшем своем проявлении. В послесловии к книге Ю. Кублановского «С последним солнцем» (Paris Presse Libre, 1983) Бродский пишет: «У поэта есть только один долг перед обществом: писать хорошо. Собственно, это долг не столько перед обществом, сколько по отношению к языку. Поэт, долг этот выполняющий, языком никогда оставлен не будет» [2, 178].

С точки зрения М. Мейлаха, Бродский создал новую форму русского поэтического языка, обострив до невероятности определенные языковые структуры, которые до него существовали в невыраженном виде или вообще не применялись. Он отмечал, что русский язык советского периода невероятно далеко ушел от литературного языка и все еще находится в состоянии все большего размывания. Это ощущается в фонетике, в синтаксисе и т.д. Язык превращается в кашу. Поэтому, структурирование языка – очень насущная задача. И в этом смысле поэзия в целом, и поэзия Бродского в частности, спасает язык.

Отношение Бродского к отечеству выражается прежде всего в его отношении к русскому языку. Он считает, что единственной формой патриотизма для поэта является его степень зависимости от языка, на котором он пишет: «Самое святое, что у нас есть, – это, может быть, не наши иконы и даже не наша история, – это наш язык» [2, 222]. Может быть, это высказывание слишком категорично, но данная категоричность лишь подчеркивает патриотизм И. Бродского к «равнодушной отчизне» и его безмерную любовь к русскому языку.

В эстетической иерархии Бродского поэзия стоит выше прозы. В его триаде «язык – время – пространство», время больше, чем пространство, а язык больше, чем Время. Писать – это, по существу, попытаться настигнуть или удержать «утраченное или текущее Время». Для этого у поэта есть специальные средства, которых у прозаика нет: размер стиха, цезуры, синтаксические паузы, безударные слоги, разные окончания. Рифма также есть способ реорганизовать и удержать время; она отсылает назад, но и создает ожидание, то есть будущее. Когда Бродский подчеркивает значение формы, он это делает, будучи уверенным в ее двойной функции – структурирующего элемента и носителя культуры. Он хотел писать так, чтобы быть понятым своими предшественниками.

Таким образом, утверждение абсолютной ценности формы является не выражением формализма, а фундаментом того, что можно назвать поэтикой Бродского.

Чтобы легче двигаться вместе со временем, стихотворение должно попытаться подражать его монотонности. В пьесе «Мрамор» Туллий словами Бродского говорит, что «все, что тона не повышает... Это и есть искусство... Чем монотонней, тем больше на правду похоже» [3, 92]. К такой просодической монотонности Бродский с годами стал стремиться

все более и более. Он стремился к нейтральности тона, и изменение размера его стихов свидетельствует об этом. Манера чтения стихов у Бродского очень индивидуальна. Свой голос он описывает как глухой, почти неслышный:

Я говорю с тобой, и не моя вина
если не слышно. Сумма дней, намозолив
человеку глаза, так же влияет на
связки. Мой голос глух, но, думаю, не назойлив.

(«Послесловие»)

Приглушенный голос поэта практически стирает границы между звуком и тишиной. Ближе к ритму Времени трудно подойти. Как и у Туллия, идеал – как можно больше уподобить себя Времени. Поэт может манипулировать Временем с помощью размера и ритма. Интонационной нейтральности, к которой стремился Бродский, лучше всего соответствует акцентный стих, или амфибрахий. Последний привлекает Бродского тем, что в нем присутствует монотонность, сняты акценты и патетика. Это абсолютно нейтральный размер.

Таким образом, поэт может создавать новое время, которое подобно самому Времени. Однако слияние со временем – не только эстетическая цель, не только способ выживания для стиха, оно имеет для Бродского более глубокое экзистенциальное значение. Так как настоящее (жизнь) является коротким отрезком времени между прошлым и будущим, то лучше уже сейчас привыкнуть к тому, что будет. Бродский любил цитировать греческого эпиграмматика Леонида Тарентского: «Пытайся имитировать время, но не горюй, если тебе не удастся, ибо, когда умрешь, будешь им» [3, 94].

В элегии, написанной У. Х. Оденом на смерть Йейтса, Бродский нашел мысль о том, что время «боготворит язык». Это произвело на него неизгладимое впечатление: язык выше не только общества, но и поэта и самого Времени. Взгляд И. Бродского на язык как на некую вневременную, внепространственную, чуть ли не метафизическую, величину вызывал сильные возражения его оппонентов. Однако следует иметь в виду, что Бродский находил подтверждение собственным размышлениям о жизни и поэзии у У. Х. Одена. Утверждение Одена о примате поэзии над временем для человека, осужденного на ссылку за то, что он пишет стихи, стало мощным оружием. А для человека, воспринимающего человеческую драму прежде всего как экзистенциальную, а не социальную, отношение Одена к действительности представлялось единственно правильным. Защищая Одена, Бродский защищал самого себя. Он и был русским Оденом, боготворившим язык.

Литература

1. Бродский, И.А. Сочинения Иосифа Бродского. Том VI / И.А. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – 456 с.
2. Полухина, В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга первая (1987–1992). Издание второе / В. Полухина. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2006. – 384 с.
3. Янгфельдт, Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Б. Янгфельдт. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 368 с.

МГПУ им. И.П.Шамшуркина